

С

На правах рукописи

ВОЛКОВ ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ

**СИЛОВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность: 22.00.03 - экономическая социология и демография

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Москва
2005

Работа выполнена на Факультете политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, обсуждена и рекомендована к защите в Государственном университете - Высшей школе экономики

Официальные оппоненты:

Доктор социологических наук
Веселое Юрий Витальевич

Доктор экономических наук
Тамбовцев Виталий Леонидович

Доктор политических наук
Чирикова Алла Евгеньевна

Ведущая организация:

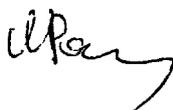
Институт экономики и организации
промышленного производства (г. Новосибирск)

Защита состоится 20 мая 2005 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.048.01 в Государственном университете — Высшей школе экономики по адресу: 101990, Москва, ул. Мясницкая д. 20, ауд. 309

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Государственного университета - Высшей школы экономики.

Автореферат разослан «3» марта 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.э.н.

Я.М. Рощина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Одним из непреднамеренных последствий политико-экономических преобразований начатых в 1987 г. стало возникновение и широкое распространение организованных преступных группировок, охранных предприятий, служб безопасности и других негосударственных организаций, активно использующих насилие как средство получения дохода. Это явление превратилось также и в наиболее болезненную проблему России 1990-х гг. В международных СМИ появился термин «русская мафия», а президент публично назвал свою страну «преступной сверхдержавой». Общее повышение уровня насилия и распространение и активизация так называемых «силовых структур» в период формирования рыночной экономики представляет собой как острую социально-экономическую, так и актуальную исследовательскую проблему.

Исследование этих явлений тем более актуально, что масштабы «русской мафии» часто преувеличивают. При этом происхождение и суть этого явления редко подвергается анализу. В результате сложился резко негативный образ России в глазах международного сообщества, а российские и зарубежные СМИ продолжают пугать обывателей рассказами про тотальное засилье преступности. Отражение этого явления в СМИ, произведениях кино, литературы, и, соответственно, в массовом сознании является, как правило, искаженным, мистифицированным; оно не содержит адекватного понимания, а наоборот, затрудняет его. На этом фоне всесторонний непредвзятый анализ указанного явления является насущной необходимостью.

Становление рыночной экономики В целом и отдельных рынков является сегодня одной из главных тем экономической социологии. Научная актуальность представляемой работы связана с исторической возможностью постановки проблемы и эмпирического исследования роли организаций,¹ обладающих преимуществом в использовании силы, в формировании институциональной среды рыночной экономики. В России 1990-х гг. этот процесс можно было исследовать в реальном времени и во всех его аспектах, обращая внимание на все типы акторов, ресурсов и формы поведения, включая применение насилия и принуждения. Такой подход как нельзя лучше соответствует духу экономической социологии и отличает ее от абстрактных и схематизированных подходов к рынкам, принятых в экономике. Разработка концепции силового предпринимательства на основе наблюдений за особенностями формирования рыночной экономики в России является и способом понимания деятельности разнообразных силовых структур в

специфических условиях конкретной переходной экономики, и попыткой развития концептуального аппарата экономической социологии.

Степень разработанности проблемы

Силовое предпринимательство не являлось предметом отдельных теоретических или эмпирических исследований, хотя эквивалент термина «силовые предприниматели» в итальянском и английском языке (*imprenditore della violenza* и *violent entrepreneurs*, соответственно) упоминался в работах исследователей сицилийской мафии Д. Гамбетта и А. Блока. Вместе с тем, различные аспекты того, что в данной работе было синтезировано в концепцию силового предпринимательства, рассматривались в ряде работ в социологии, экономической истории, политической философии и криминологии. Сходная проблематика рассматривалась, в частности, в связи с исследованиями формирования и эволюции государств как организаций, осуществляющих насилие и принуждение; в контексте исследований роли насилия и принуждения в хозяйственной жизни общества, а также экономического аспекта деятельности преступных организаций. Другими источниками, в которых разрабатывались отдельные аспекты концепции силового предпринимательства, можно считать исследования сицилийской и американской мафии, а также ряд исследований организованной преступности в России.

Историческая социология М. Вебера (в частности, теория «политического сообщества») содержит анализ процесса формирования государств как силовой конкуренции за источники дохода, в результате которой устанавливаются стабильные монополии силы, а защита источников дани превращается в защиту прав собственников (или гражданских прав) после введения политического представительства последних. Исследования этих процессов в европейской истории были продолжены социологом Н. Элиасом, а в теории - политическим философом Р. Нозиком. Радикальная и последовательная критика государства как охранного рэкета содержится в историко-социологических работах Ч. Тилли. Работы теоретика международной политики К. Уолтца в значительной мере основаны на структуралистском анализе отношений между охраняемыми предприятиями - государствами как автономными владельцами силы, находящимися в условиях свободной конкуренции.

Одним из родоначальников экономического анализа деятельности охранных предприятий, включая правительства, является историк Ф. Лэйн. Ему принадлежит первенство в использовании модели рыночного обмена для описания деятельности охранных предприятий, преимущественно в сфере международной торговли в эпоху раннего капитализма (отношения между производителями и потребителями охранных

услуг). Анализ экономических ограничений и следствий деятельности организаций, обладающих преимуществом в использовании насилия, был также предпринят в работах Д. Норга.

Социолог Г. Гесс, предпринявший исследование сицилийской мафии, одним из первых прояснил ее функциональную роль в воспроизводстве локальной экономики и социального порядка. Антрополог А. Блок, продолживший исследование того же предмета, использовал социологический подход Элиаса, определив мафию как «фигурацию политических посредников» и объяснив ее появление неравномерностью формирования итальянского государства. Работа П. Арлакки построена вокруг механизмов власти мафиозо и содержит описание процесса превращения мафии в капиталистическое предприятие, ее подчинение закономерностям воспроизводства капитала. Наиболее последовательный экономический анализ деятельности мафии как охранного предприятия был разработан социологом Д. Гамбетта, который связал ее появление на Сицилии с низким уровнем доверия и слабой защитой прав собственности со стороны государства.

Хотя родоначальником экономического подхода к анализу преступного поведения считается Г. Беккер, экономическая сторона деятельности организованной преступности была впервые последовательно проанализирована Т. Шеллингом, согласно которому последняя играет в сфере теневой экономики такую же роль, какую правительство в сфере легального предпринимательства. Экономические аспекты деятельности организованной преступности исследовали также Г. Фиорентини, С. Пелтzman, А. Андерсон, П. Ройтер. Неинституциональный подход к объяснению устойчивого воспроизводства японской мафии («якудзы») был применен К. Милхауптом и М. Уэстом. Ю. Чу использовал экономико-социологический подход для исследования гонконгских «триад». Обзор западных работ по экономике организованной преступности содержится в работах Ю. Латова.

Причины и особенности роста организованной преступности в России 1990-х гг. исследовались многими авторами, как в жанре конвенциональной аналитики, так и с позиции криминалистики и социологии. Наиболее значимые аналитические работы принадлежат А. Ваксбергу, А. Гурову и А. Константинову. Исследование организованной преступности в России с применением криминологического и правового подхода были предприняты В. Сафоновым, П. Скобликовым и Е. Топильской. Социологический подход к исследованию организованной преступности в России наиболее продуктивно применялся Я. Гилинским, Л. Косалсом, Ю. Латовым и А. Олейником.

Цели и задачи исследования

Целью диссертационного исследования является разработка концепции силового предпринимательства и ее применение для объяснения генезиса, распространения и деятельности организованных преступных группировок и других частных силовых структур в контексте переходной экономики в России. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- Используя существующие работы в различных областях социальных наук, дать общий теоретический анализ роли организованного насилия в формировании государств и хозяйственной жизни обществ.
Выработать определение силового предпринимательства и выявить особенности рынка охранных услуг.
- Выявить социальные группы, послужившие источником развития организованной преступности и частного охранного бизнеса в России.
- Проанализировать институциональные условия в России переходного периода, способствовавшие появлению специфического вида предпринимательской деятельности, основанного на применении насилия и принуждения.
- Описать организационные формы, ценности, нормы, практики, а также социально-экономические функции организованных преступных группировок как предприятий по производству охранных услуг.
- Проанализировать формирование и развитие легального сектора частных охранных услуг и конкурентную ситуацию на соответствующем рынке.
- Исследовать эволюцию легальных и нелегальных предприятий по производству охранных услуг и их отношения с государством.

Теоретическая и эмпирическая база исследования

Теоретическими источниками диссертационного исследования послужили: а) историко-социологические исследования формирования государств в Западной Европе и содержащийся в них анализ роли принуждения (работы М. Вебера, Н. Элиаса, Ч. Тилли); б) экономическая история раннего капитализма (Ф. Лэйн) и неинституциональное направление в экономической социологии, затрагивающее поведение «организаций, обладающих сравнительным преимуществом в использовании насилия» (Д. Норт); в) экономико-социологические исследования мафии (Д. Гамбетта, Т. Шеллинг). Методологически важным для данной работы стало также введенное Т. Гоббсом понятие «естественного состояния» и связанное с ним объяснение генезиса государства.

Эмпирическую базу исследования составили 27 глубинных интервью с членами организованных преступных группировок, директорами частных охранных предприятий или служб безопасности, работниками правоохранительных органов, представителями бизнеса, а также другими экспертами. При этом несколько людей из этого списка играли роль ключевых информантов, т.е. давали интервью многократно и оценивали надежность данных, полученных из других источников. Другим важным источником послужили малотиражных. специализированные журналы и другие издания, посвященные частной охранной деятельности в России, в которых регулярно публиковались интервью с участниками охранного бизнеса, представителями МВД, приводились статистические данные. Кроме этого, в качестве источников использовались аналитические материалы правоохранительных органов, в частности, аналитические записки РУБОПа и ФСБ, материалы журналистских расследований, проведенных Агентством журналистских расследований (Санкт-Петербург) и редакцией газеты «Сыщик» (Екатеринбург, а также публикации периодической печати.

Научная новизна работы

Научная новизна работы соответственно, основные результаты исследования состоят в следующем:

1. Впервые всесторонне проанализировать роль силовых ресурсов в хозяйственной деятельности обществ, формировании институциональной среды рыночной экономики, в образовании государств и деятельности организаций мафиозного типа. Раскрыты условия как продуктивного, так и негативного влияния организаций, обладающих преимуществом в использовании насилия, на функционирование хозяйства и экономический рост.
2. Дан теоретический анализ специфического рынка - рынка охранных услуг, условий его формирования, а также поведения поставщиков соответствующих услуг. В связи с этим введена и раскрыта концепция силового предпринимательства, которое определяется как совокупность организационных решений и способов действия, применяемых для конвертации организованной силы (угроз или насилия) в деньги или другие рыночные блага на постоянной основе.
3. Дано объяснение роста организованной преступности после начала социально-экономических преобразований в 1987 г. В отличие от традиционных объяснений, связывающих рост преступности с наследием государственного социализма и влиянием советского уголовного мира, данная работа утверждает, что

организованная преступность периода рыночных реформ развивалась в результате мобилизации групп, до этого не принадлежавших к криминальной среде. Ее развитие было связано со специфическими экономико-институциональными условиями, возникшими в результате определенной политики реформ, в частности с введением свободы торговли и частной собственности в условиях отсутствия эффективной системы их физической и правовой защиты, а также отсутствия механизмов регулирования.

4. Применение концепции силового предпринимательства позволило по-новому осмыслить деятельность организованных преступных группировок - как «силовых партнеров», т.е. как специфических охранных предприятий, которые производят принудительное изъятие части ресурсов хозяйствующих субъектов в обмен на предоставление комплекса услуг, позволяющих вести хозяйственную деятельность в условиях повышенных рисков и дефицита информации. Вместо деления агентов (или организаций) на преступные и законные, в работе продемонстрирована продуктивность применения классификации агентов по характеру их деятельности (использование определенных ресурсов) и функциям на формирующихся рынках. Это дало возможность более адекватного исследования специфической группы агентов - охранных предприятий («силовых структур»), включая те, которые формально имели государственный статус.
5. Проведен анализ динамики российского государства как монополии на насилие, налогообложение и юстицию и показано, что, в переходный период имела место его скрытая фрагментация, следствием чего явилась потеря способности государства осуществлять регулируемую функцию.
6. Проанализированы причины и основные проявления кризиса российского государства 1990-е гг. и предпосылки последующей консолидации, которые осознаны и реализованы начиная с 2000 г., а также противоречия процесса укрепления государства, выразившиеся в использовании государственных правоохранительных и судебных органов для перераспределения экономических активов в пользу частных заинтересованных групп.

Практическая значимость исследования

Исследование позволяет понять предпосылки возникновения (спрос и предложение), а также механизмы нелегального использования насилия для извлечения дохода. Соответственно, оно может способствовать выработке более эффективной политики по борьбе с организованной преступностью и регулирования сектора частных охранных

услуг. Анализ, представленный в диссертации, может быть полезен для проведения судебно-правовой и административной реформы. Исследование причин и следствий ослабления государства может быть использовано для понимания явлений, происходящих в ряде государств Африки и Азии и выработки политических рекомендаций.

Апробация результатов исследования

Материалы диссертации изложены в трех монографиях и 20 статьях в ведущих научных журналах на 4 языках.

По теме диссертации в Европейском университета в Санкт-Петербурге в рамках международной магистерской программы преподается курс «Государство, насилие и мафия в сравнительной перспективе». Отдельные части исследования служили источниками лекций в учебных курсах по социальной теории и экономической социологии.

Материалы диссертации были представлены на 19 международных конференциях и конгрессах.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, двенадцати глав, заключения и библиографии.

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1.

СИЛОВОЙ РЕСУРС И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

Типы ресурсов и типы власти

Использование силового ресурса: насилие и принуждение

Политическое сообщество

ГЛАВА 2

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Монополия легитимного насилия

Некоторые экономические последствия монополии силы

Изыятие ресурсов и социальный контроль

Государство и бандит - есть ли различия?

ГЛАВА 3

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАФИИ

Генезис сицилийской мафии

Мафия как субкультура, политическое сообщество и предприятие

Субкультурная и организационная специфика мафии

Мафия как политическое сообщество

Мафия как экономическое предприятие

Мафия в США

Дебаты о природе мафии и ее деятельности

ГЛАВА 4

СПЕЦИФИКА РЫНКА ОХРАННЫХ УСЛУГ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Рынок охранных услуг

Охрана и безопасность: специфика услуги

Условия формирования рынка охранных услуг
Особенности контрактов
Ресурсы и конкуренция
Дань и охранная рента
Охранные предприятия и хозяйственное развитие
Определение силового предпринимательства и типы силовых структур

ГЛАВА 5
ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ
Криминальная мобилизация
Возрастное распределение
Спорт и организованная преступность
Война в Афганистане и проблема адаптации ветеранов
Частное предпринимательство
Объяснения организованной преступности в России

ГЛАВА 6
СИЛОВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ 1990-х.
От вымогательства к охранным услугам
Вымогательство
Охранный рэкет
Охрана как реальная услуга
Силовое партнерство
Искусственный спрос
Транзакционные проблемы
Низкая эффективность судебной системы и высокая цена доступа к ней
Силовое партнерство и силовое посредничество

ГЛАВА 7
СОВЕТСКАЯ И ПОСТ-СОВЕТСКАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ
Традиционная уголовная субкультура
Сравнение идеальных типов («вор» и «бандит»)
Конфликт и рационализация

ГЛАВА 8
НЕФОРМАЛЬНАЯ СИЛОВАЯ СТРУКТУРА
Организованная преступная группировка
Названия и клички
Флаги, репутации, торговые марки
Структура ОПГ
Борьба за выживание
Образцы нормативной культуры
Практики

ГЛАВА 9
КАПИТАЛИЗАЦИЯ ОХРАННОЙ ДАНИ
Карьера силового предпринимателя
Борцовская бригада
Директор рынка
Эволюция неформальных силовых структур
Тамбовские
Уралмашевские
Вертикальная дезинтеграция

ГЛАВА 10
ПРИВАТИЗАЦИЯ СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ
От государственной безопасности к частной
Советские "силовые министерства"

Реформы органов государственной безопасности

Контрмеры и адаптация

Частные охранные агентства

Структурная динамика

"Крыша" и ее функции

Конкуренция и ее пределы

Последствия

ГЛАВА 11

СКРЫТАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Еще раз о формировании государства

Содержательный и структурный аспекты государства

Многообразие субъектов политики

Определение и признаки скрытой фрагментации государства

Неформальная государственная "крыша"

"Крыша" номер один

Конкуренция за налогоплательщика

Транзакционные стратегии и решение хозяйственных споров

ГЛАВА 12

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЛИТИКИ УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

Идея укрепления государства

Укрепление государства и силовые предприниматели «первого призыва»

Силовое предпринимательство и захваты предприятий

От «бандитов» к «государственникам» (заключение)

Таблица респондентов

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность и степень разработанности заявленной темы, формулируются цели и задачи диссертационного исследования.

Первая часть диссертации посвящена теоретической разработке концепции силового предпринимательства, рынков охранных услуг, а также динамике формирования государства как монополии легитимного насилия. Обзор социологических исследований мафии, а также неоинституциональная интерпретация роли государства в экономической жизни служат концептуальной рамкой для интерпретации эмпирического исследования.

Вторая часть диссертации посвящена исследованию организаций, имеющих преимущество в использовании насилия (охранных предприятий, включая государство), и их роли в становлении рынков и формировании государства в России в переходный период.

Первая глава анализирует специфику силового ресурса, его роль в воспроизводстве обществ, характеризует особую социальную группу, распоряжающейся силовыми ресурсами, и основную форму институционализации управления этим ресурсом - государство.

Физические возможности, навыки, организационные и технические решения, приводящие к появлению неравенства в физической силе или в объеме имеющихся у людей или групп средств принуждения определяется в данной работе как *силовой ресурс*. Силовой ресурс дает возможность напрямую влиять на поведение индивидов и групп, контролировать соблюдение правил коллективной жизни и, соответственно, является ключевым для воспроизводства обществ. Утверждается, что силовой ресурс лежит в основе политической власти, а основной формой его институционализации является государство

Анализ специфики силового ресурса начинается с выделения двух способов его использования: *насилия* и *принуждения*. Насилие - это применение силы, несущее явный и непосредственный ущерб имуществу, здоровью или жизни. Принуждение, наоборот, предполагает использование силы без ее фактического применения, т.е. в виде демонстрации или угрозы, для того чтобы заставить кого-либо действовать определенным образом (включая воздержание от какого-либо действия). Затем проводится анализ различий между насилием и принуждением и описывается использование принуждения в качестве одного из основных способов контроля за соблюдением правил общественной жизни. Тогда политика как применение силового ресурса (в данном случае, так называемая «внутренняя» политика) уже предстает не как грубая сила, а как создание и поддержание - посредством явного или скрытого принуждения - определенных институтов, необходимых для упорядоченной общественной жизни, распределения ресурсов и воспроизводства сообщества. Далее раскрывается концепция «политического сообщества», введенная М. Вебером для обозначения группы, которое распоряжается силовым ресурсом и извлекает доход из регулирования хозяйственной жизни на определенной территории.

Вторая глава посвящена политико-социологической концепции государства, признающей в качестве исходной политической реальности стремление к установлению и поддержанию территориального господства посредством насилия и принуждения. Государство рассматривается как территориальная монополия легитимного насилия, в соответствии с определением, данным М. Вебером. Согласно Веберу, формирование государства не является планомерной реализацией замысла или движением к намеченной кем-либо цели. Он рассматривает возникновение государства как результат борьбы за выживание и господство, как набор организационных решений, способствующих созданию превосходящей силы.

Историческая социология Н. Элиаса подробно реконструирует процесс формирования государств в Западной Европе в XIV-XVIII вв. Элиас утверждает, что

динамика развития ранних европейских государств состоит в следующем: с течением времени, в результате войн на уничтожение (*elimination contests*) увеличивающиеся силовые ресурсы неизбежно сосредотачиваются в руках постоянно уменьшающегося числа правителей. Впоследствии ресурсы победившего правителя возрастают до такой степени, что он оказывается в состоянии установить и поддерживать долгосрочную монополию на использование силы в пределах значительной территории, которая таким образом становится его суверенным владением, а впоследствии, будучи организованной и пережив своего создателя, - государством. Описание исторической динамики дополнено анализом формирования «минимального государства», предпринятое политическим философом Р. Нозиком.

Анализ формирования государства дополняется выявлением экономических следствий монополии силы. Монополия силы является предпосылкой мирной экономической конкуренции и тем самым может способствовать хозяйственному развитию. Кроме того, на примере, взятом у теоретика международной политики К. Уолпца, утверждается, что когда забота о безопасности передается от более мелких агентов более крупному и сильному, меняются коллективные ожидания. Эти агенты перестают рассматривать свои отношения как игру с нулевой суммой, что делает возможным экономическое сотрудничество, как в случае западноевропейских стран после Второй мировой войны.

Отдельно рассматривается деятельность государств по изъятию ресурсов - сбор дани или налогов. Экономисты и социологи, такие как Й. Шумпетер и Ч. Тилли, утверждали, что налаживание постоянного и эффективного налогообложения сыграло важнейшую роль в формировании государств.

Реалистическое описание процесса формирования государства как силовой конкуренции охранных ассоциаций за установление контроля над источниками дохода, а также само положение о том, что в основе политической власти лежит принуждение, ведут к необходимости ответа на непростой концептуальный вопрос: можно ли утверждать, что государство представляет собой хорошо организованный охранный рэкет? Есть ли различия между бандитом и государством? Если есть, то в чем они состоят? В конце главы дается ответ на этот вопрос. Основные отличия государства от бандита состоят в следующем:

а) государство производит безопасность, справедливость, порядок как *общественные блага* (априорно и для всего сообщества граждан), а не как частные услуги, которые предоставляются отдельным клиентам при условии оплаты;

б) применение насилия и принуждения государством ограничено набором *безличных формальных процедур*, что должно снижать степень произвола, свойственного бандиту;

в) обе вышеперечисленные особенности действия, а также идеология долга и служения (государству, народу, отечеству) способствуют обретению *легитимности*, то есть тому, что господство группы, контролирующей насилие, выглядит в глазах большинства граждан «полезным» и «справедливым», поэтому признается и добровольно поддерживается.

Третья глава посвящена обзору социологических исследований мафии. Эта традиция является важным источником концепции силового предпринимательства. Необходимость обращения к исследованиям мафии заключается в том, что ее деятельность представляет собой нелегальное использование насилия для извлечения дохода и отправления ряда политико-экономических функций в пределах небольших территориальных сообществ. Иными словами, мафия является и политическим сообществом и субъектом силового предпринимательства.

Выделяются три основных способа интерпретации мафии в зависимости от того, какому аспекту ее деятельности уделяется основное внимание и какие социологические подходы или исследовательские методы при этом используются: субкультурный, политологический и экономический подход. Соответственно, в контексте этих подходов мафия рассматривается как субкультура, политическое сообщество и экономическое предприятие.

Наиболее последовательно социокультурный подход получил выражение в книге немецкого социолога Г. Гесса «Мафия и мафиози: структура власти». Он утверждал, что мафия является прежде всего набором поведенческих образцов, которые в контексте социальной структуры Сицилии выполняют ряд важнейших функций, таких как охрана имущества, распределение возможностей ведения бизнеса, а также контроль за соблюдением традиционных семейных норм. Такой подход привел его к утверждению, что мафии, по сути, нет, что это не организация и не секретное общество, а метод деятельности отдельных людей. Однако, новые свидетельства, полученные в ходе судебных процессов 1980-х гг., дали основания поставить эту точку зрения под сомнение. Данные о ритуалах приема и исключения, о наличии выборных и административных процедур и иерархической организации способствовали изменению представлений о природе мафии. Далее, основываясь на исследовании социолога Летизии Паоли «Мафиозные братства: организованная преступность, итальянский стиль», в диссертации приводятся сведения об организации, ритуалах, а также региональных координирующих органах сицилийской мафии.

Интерпретация мафии как политического явления опирается на политическую социологию Вебера и его последователей, а также на социологию права. Исходным моментом для объяснения генезиса сицилийской мафии выступают проблемы и противоречия, сопутствовавшие формированию государственности на Сицилии после отмены феодализма и присоединения к Италии. Американский антрополог А. Блок, проживший несколько лет в сицилийской деревне, определил мафиози как «фигурацию политических посредников» (термин заимствован у Элиаса), которые регулировали отношения между основными классами, а также служили связующим звеном между местным сообществом и представителями центральной власти. П. Арлакки подробно проанализировал политические функции мафии. Социологи сходятся в том, что несмотря на то, что мафия претендует на контроль за применением насилия на определенной территории и стремится поддерживать некоторый правопорядок, полное отождествление мафии с государством было бы неоправданно. По сравнению с современным государством мафия является более традиционным, архаичным и менее дифференцированным институтом, системой правления и регулирования социальных отношений, свойственной доиндустриальным обществам.

Наиболее полно и последовательно экономический подход выражен в книге социолога Диэго Гамбетта «Сицилийская мафия: частный охранный бизнес» (1993). Гамбетта исходит из того, что мафиози по сути является посредником на экономическом рынке; он производит и продает специфический товар под названием «охрана» (*protection*). Именно охрана, а не насилие как таковое имеет определенную полезность, цену, а также издержки, требуемые для его производства. Но охрана выступает не столько как физическая защита, сколько как определенные гарантии, которые мафиози дает продавцам и покупателям на рынках с повышенным уровнем риска. Не отрицая, как и другие исследования, определенную функциональность мафии, экономическая модель показывает отрицательные следствия ее господства на рынках, которые заключаются в поддержании менее эффективной конкурентной ситуации и институтов, что в свою очередь, ведет к проблеме хронической недоразвитости и низких темпов экономического роста.

Гамбетта применяет экономическую логику и для объяснения генезиса мафии на Сицилии, которая господствует преимущественно в западной части острова. С одной стороны, исторические обстоятельства создали спрос на охранные услуги. К таким обстоятельствам можно отнести отмену феодализма, введение частной собственности, формирование рынков. С другой стороны, на Сицилии возникло избыточное предложение людей, готовых к насилию - бывших охранников поместий, служащих частных армий,

вернувшихся с войны солдат, просто бандитов, которые к тому же создавали и дополнительные угрозы хозяйствующему населению. Таким образом историческая констелляция факторов спроса и предложения обусловило появление специфических предприятий, заменивших собой государство.

Далее в этой главе описывается история мафии в США, а также социологические и антропологические исследования, посвященные этому предмету. В рамках официальной криминологии оформилась теория организованной преступности, представлявшая ее как единую иерархическую организацию и теория этнического заговора, обвинявшая во всем представителей меньшинств. Наиболее полно эта теория выражена в работе Д. Кресси «Похищение нации: структура и операции организованной преступности в США» (1967). Социолог Д. Белл предложил иную трактовку, которая получила название теории этнического наследования. Антропологические исследования Дж. Албини и Ф. Янни наполнили теорию этнического наследования богатым эмпирическим содержанием и нарисовали альтернативную картину структуры и деятельности американской мафии. Албини, исследовавший преступный мир Детройта, утверждает, что мафия организована по сетевому принципу, в котором основную роль играют отношения дружбы, родства и патронажа. Исследования Янни подтвердили, что «организация» преступности далека от современной иерархической бюрократической модели.

Современные исследования мафии заимствуют способы интерпретации, выработанные неонституционализмом и экономической социологией. В частности, дальнейшее развитие получила идея о том, что специфика институциональной среды (законы, правила) определяет способ адаптации организаций (фирм) и особенности навыков работников таких организаций. Из этого следует, что государственная правовая политика или возникновение несоответствий между законами и возможностями их применения (*enforcement*) может способствовать появлению организаций, эксплуатирующих несовершенство правовой системы. Иллюстрацией применения этого подхода для объяснения деятельности мафии может служить исследование американских правоведов Куртиса Милхаупта и Марка Уэста, посвященное японской организованной преступности, так называемой «якудзе».

В четвертой главе предпринимается описание рынка охранных услуг и разрабатывается концепция силового предпринимательства. В основе деятельности охранных предприятий лежит использование ресурса принуждения по отношению: а) к другим владельцам силы (вероятным угрозам), обеспечивая сдерживание угроз; б) к хозяйствующим субъектам, обеспечивая исполнение взяток обязательств (добросовестное поведение). И в том, и в другом случае деятельность охранного предприятия состоит в

постановке и поддержании ограничений на действия других участников, обеспечивая таким¹ образом необходимую степень предсказуемости их действий.

Масштабы и характер рынка охранных услуг могут существенно меняться в зависимости от социально-исторических условий. Рынок охранных услуг возможен при ослаблении или устранении ограничений, связанных с монополизацией и прямым физическим принуждением к покупке. Его действительное формирование предполагает наличие множественности автономных организаций, распоряжающихся силовым ресурсом, возможность выбора поставщика и элементы свободного ценообразования. Это происходит либо вследствие ослабления или разрушения государства, либо в результате добровольного делегирования государством части своих функций (например предоставление физической безопасности) частным фирмам при сохранении монополии на юстицию и налогообложение, как, например, в большинстве современных западных стран, где численность частной полиции и работников частной безопасности превышает государственную. Тогда можно говорить о том, что часть охранных услуг производится и реализуется по принципам рынка, а часть выведена за его пределы, монополизирована и является объектом политико-административной деятельности государства-монополиста. Эта граница является исторически подвижной.

В данной главе анализируется специфика спроса, предложения и ценообразования на рынке охранных услуг; особенности конкуренции и контрактов, а также необходимые ресурсы для производства и продвижения охраны как специфической услуги.

Одним из важных вопросов, поставленных экономическими историками является роль охранных предприятий (правительств) в развитии экономики раннего капитализма. Так, Ф. Лэйн предложил разделить предприятия на два типа: те, которые производят охрану и называются правительствами, и те, которые производят материальные блага или услуги и при этом платят правительствам за охрану. Плата за охрану, полагал Лэйн, может принимать форму не только непосредственных платежей за конкретные услуги по обеспечению безопасности, но и существовать в превращенных формах, включая налоги, тарифы, подарки, взятки в пользу тех, кто контролирует средства насилия. Независимо от формы, эти платежи составляли важнейший параметр политической экономии раннего капитализма, влияя на издержки и создавая разнообразные предпринимательские возможности. Разница в охранных издержках составляла важнейший механизм перераспределения богатств, расцвета и упадка наций.

Д. Норт предложил альтернативную теорию, в рамках которой рассматривается прежде всего способность правительств определять правила игры и принуждать экономических субъектов им следовать и тем самым формировать условия,

способствующие экономическому росту или, наоборот, тормозящие его. Способы принуждения к исполнению (*enforcement*) различаются по своим затратам и эффективности, т. е. требуют различного количества ресурсов и покрывают различные по протяженности экономические пространства. В некоторых случаях экономические субъекты способны создать эффективные механизмы контроля, не сдерживающие развитие торговли. По мнению Норта, государство продает совокупность услуг, которые мы назовем охраной и юстицией, в целях извлечения дохода. Поскольку в предоставлении этих услуг задействована экономия на масштабах, в результате появления организации, специализирующейся на этих услугах, совокупный доход общества будет выше, чем если бы каждый индивид сам защищал свою собственность. Более эффективная охрана и юстиция, таким образом, создают возможности для экономического роста.

Наиболее важной частью данной главы является развернутое определение силового предпринимательства — основной концепции, разрабатываемой в диссертации. *Силовое предпринимательство может быть определено как совокупность организационных решений и способов действия, применяемых для конвертации организованной силы (угроз или насилия) в деньги и другие рыночные блага на постоянной основе.* Если потребительские товары составляют основной ресурс торгового предпринимательства: деньги — финансового предпринимательства, информация — информационного и т. д., то силовое предпринимательство конституируется социально организованным насилием, потенциальным или реальным. Силовое предпринимательство — это метод извлечения и увеличения частных доходов групп, владеющих и распоряжающихся средствами насилия посредством установившихся отношений обмена с другими группами, владеющими другими ресурсами. В главе также указываются структурные условия, делающие возможным силовое предпринимательство как частную деятельность - автономия владельцев средств насилия.

В пятой главе рассматривается природа и социальное происхождение организованной преступности в период после начала экономических реформ в России в конце 1980-х гг. Утверждается, что новой формой преступного поведения стало вымогательство. Приводятся соответствующие данные. Также показывается явление криминальной мобилизации - массовое вовлечение нескольких возрастных когорт (20-25 лет) в организованные преступные группировки. Социальными источниками новой преступности стали спортивные секции, группа бывших участников войны в Афганистане и других локальных конфликтов, представители традиционной уголовной субкультуры, а также бывшие работники правоохранительных органов. Именно способность к применению силы и возможность организованно управлять этим ключевым ресурсом для

ведения определенной предпринимательской деятельности объединяли эти на первый взгляд различные группы.

В главе содержится критика некоторых теорий, объясняющих распространение, организованной преступности в России переходного периода, такие как теория аномии и непреодоленное наследие эпохи государственного социализма. Более продуктивным является неинституциональный, экономико-социологический подход, также применяемый рядом российских и зарубежных исследователей пост-советской России (В. Тамбовцев, В. Радаев, Ф. Варезе, К. Пистор, С. Пейович, Т. Фрай). К недостаткам такого подхода можно отнести упрощенное представление о поведенческих закономерностях представителей силовых структур, их фактическое отождествление с абстрактными рыночными агентами. С другой стороны, неинституциональный подход несет ряд преимуществ:

Во-первых, вместо того чтобы с самого начала разделять группы или организации на криминальные (преступные) и легальные, этот подход предполагает деление на тех, кто производит институциональные услуги (такие как охрана и разрешение имущественных * споров), и тех, кто вынужден покупать эти услуги, независимо от того, находится ли он в легальном, теневом или криминальном секторе экономики. Это помогает нам переопределить природу и роль ОПТ и других частных силовых структур в постсоветской России.

Во-вторых, неинституциональное прочтение постсоветской организованной преступности позволяет связать ее распространение с процессом формирования рынков, т. е. с созданием новых социальных структур, а не просто с наследованием старых.

В-третьих, не отрицая принципиальной важности экономической сферы, институциональный подход позволяет рассматривать государство в качестве ключевого игрока в процессе преобразований.

Шестая глава начинается с рассмотрения силового предпринимательства в его первой и элементарной форме — предоставления охранных услуг, включая так называемый "охранный рэкет" (*protection racket*), т. е. отношений, связанных с предложением физической охраны в ситуации как объективной, так и искусственно созданной угрозы. Описывается проблема вымогательства и другие предпринимательские риски, возникшие с первых лет кооперативного движения, а также сама практика охранного рэкета. Рассматривается также проблема различий между фиктивной и реальной защитой и утверждается, что эти различия условны и определяются структурной ситуацией.

Для объяснения генезиса силового предпринимательства необходимо было проанализировать факторы, формирующие спрос на соответствующие услуги. Искусственный спрос создавался действиями самих организованных преступных группировок, в результате чего повышались риски тех хозяйствующих субъектов, которые не имели охранных контрактов («крыш»). Но не менее значимыми были факторы, создававшие объективный спрос на частные охранные услуги. Первым фактором стали постоянные трансакционные проблемы, которые для своего решения требовали специфических методов. К трансакционным проблемам можно отнести неспособность выполнить контрактные обязательства (поставить или оплатить товар, вернуть кредит и т. п.), дефицит наличных денег для ведения экономической деятельности, проблемы безопасной доставки товаров и подобные трудности.

Вторым важным фактором спроса на услуги, предоставляемые частными, в том числе криминальными силовыми структурами, стало игнорирование значительной частью предпринимателей государственной судебной и правоохранительной системы. Истоки такого отношения лежат в запутанности существующих законов и подзаконных актов, больших сроках рассмотрения дел в судах и слабости исполнительной системы. В диссертации приводятся разнообразные данные, характеризующие неэффективность российской судебной системы и высокую цену доступа к ней (высокий уровень налогов и высокие издержки легальной экономической деятельности).

В этой главе анализируются более сложные формы силового предпринимательства — силовое партнерство и силовое посредничество, когда производитель разнообразных институциональных услуг не является прямым источником угрозы и не имеет непосредственного контроля за уровнем рисков, возникающих в экономической деятельности. Под силовым партнерством понимается ряд бизнес-функций силовых структур, — функций, основанных на умелом коммерческом использовании организованной силы и информации, обеспечивающих благоприятные институциональные условия для экономической деятельности предприятий клиентов. Институциональные условия включают безопасность, информационную поддержку, обеспечение прав собственности, в том числе контроль за соблюдением контрактных обязательств и возвратом долгов, а также разрешение коммерческих споров.

Структурным результатом деятельности силовых предпринимателей, отличным от непосредственных ими осознаваемых целей (получение дохода, выживание, расширение сферы деятельности), стало стихийное складывание системы ограничений, т. е. структурированной среды, упорядочивавшей действия участников (как хозяйственных субъектов, так и силовых структур) на непредсказуемых формирующихся рынках

переходной экономики. Имея неформальный статус, эта совокупность правил и способов принуждения к их исполнению была далека от идеальных правовых систем по своей четкости и экономической эффективности. Тем не менее она была более понятной, легко адаптируемой, а главное — более жестко контролируемой, чем находившаяся в зачаточном состоянии государственная система.

В седьмой главе предпринимается социологический анализ традиционной советской уголовной субкультуры - воровского сообщества и его элиты, так называемых «воров в законе». В частности, выделяются основные черты нормативной системы воровского мира и дается их функциональная интерпретация с точки зрения воспроизводства преступного сообщества в советской пенитенциарной системе. Далее проводится идеально-типическое сравнение воровской и бандитской субкультуры. Это сравнение необходимо для дальнейшей аргументации тезиса о том, что в организованной преступности переходного периода больше новизны, чем преемственности, что это новый тип преступности, который, наоборот, привел к кризису и разложению старых уголовных традиций. Более интенсивное использование насилия, рациональность, ориентация на накопление капитала и выгодное сотрудничество с властями отличало новую преступность от старой, основанной на традиционных ценностях и запретах. Возникавший конфликт разрешался по-разному в различных регионах, но в целом, в контексте формирующихся рынков и предпринимательской культуры традиционный уголовный мир вынужден был активно адаптироваться, меняясь изнутри.

В восьмой главе организованная преступная группировка (ОПТ) определяется и анализируется с точки зрения ее деятельности как субъекта силового предпринимательства. Сначала рассматриваются несколько принципов образования ОПТ и утверждается, что важность названий или кличек нужно искать в практике их употребления, а не в способности что-либо представлять. Дальнейший анализ исходит из того, что в практике силового предпринимательства названия группировок и имена (клички) авторитетов функционируют как флаги или как торговые марки, в которых воплощена определенная репутация. Названия и имена служат группировкам символами охраны друг от друга и инструментами сдерживания. Отдельно анализируется природа и эффекты репутации, воплощенные в названиях группировок, а также их превращение в торговые марки. В отличие от обычной коммерции, где коллективная вера клиентов является основным источником репутации поставщика каких-либо товаров, в сфере силовых отношений, в охранном бизнесе в частности, клиенты играют второстепенную роль. Здесь репутации возникают в процессе стратегической конкуренции, а не за счет добрых отношений с клиентами. В случае мафии, государства на международной арене

или любой другой организации, наделенной возможностью использовать силу по своему усмотрению, их коммерческая репутация как поставщика охранных услуг будет зависеть от репутации решительности и других качеств, обеспечивающих надежное сдерживание потенциальных угроз

В этой главе также описывается организационная структура ОПТ и способы ее формирования.

Отдельный интерес представляет динамика численности ОПТ и процессы силовой конкуренции в 1990-е гг. При всем обилии возможностей извлечения дохода за счет умелого использования силового потенциала, объем этих возможностей был, тем не менее, ограничен, и группировки, не расширявшие сферу своей деятельности, слабели. Они вливались в более сильные или уничтожались ими. В ходе многочисленных конфликтов происходило укрупнение отдельных более успешных группировок; другие выбывали из борьбы. Пик силовой конкуренции пришелся на 1995-1996 гг.

Социологический анализ ОПТ включает также выявление образцов нормативной культуры, позволяющих вести успешную деятельность. Сочетание высокой ценности силы и низкой ценности жизни является условием, повышающим возможности применения силы. Поэтому неудивительно, что мы находим его и в среде неформальных или нелегитимных групп, специализирующихся на использовании силы и в этом родственных военной знати и ее современным аналогам. Нормы являются отражением ценностей на уровне конкретных социальных или профессиональных групп, они регулируют поведение группы в соответствии с задачами, отведенными данной группе в общественной системе разделения труда. Наблюдения и интервью позволяют сгруппировать нормы, принятые в среде силовых предпринимателей, (имеются в виду прежде всего нелегальные силовые структуры) в три основные группы: нормы, регулирующие применение силы, нормы, регулирующие использование языка (речевые действия), и нормы, предписывающие отношение к собственной профессии. Мы назвали их, соответственно, "силовой принципиальностью", "ответственностью за речевые действия" и "квазипрофессиональной ориентацией". В диссертации дается подробный анализ этих трех компонентов нормативной культуры.

Данная глава также содержит этнографическую часть и описание некоторых базовых практик силовых предпринимателей. Практики сгруппированы и описаны исходя из наиболее типичных слов соответствующего лексикона: "пробивка" (добывание и обработка информации), "наезд" (оказание морального или физического давления), "стрелка" (встреча для решения вопросов в процессе силового предпринимательства),

"разборка" (конфликт с применением силы), "разводка" (создание искусственного спроса на охранные услуги).

В девятой главе исследуется экономическая сторона деятельности ОПГ, их взаимоотношения с хозяйствующими субъектами и их эволюция под влиянием развития рынков и разнообразных форм собственности. В основе главы - три детально описанных случая: лидер *борцовской* бригады, *тамбовская* ОПГ (обе в Санкт-Петербурге) и *уралмашевская* ОПГ в Екатеринбурге. Анализ случаев выявил ряд общих закономерностей. Необходимость гарантированного дохода привела некоторые ОПГ к принятию новой стратегии с целью увеличения своего участия в экономике. Их лидеры ощущали, что экономические вложения и участие в местной политике могут сделать их менее уязвимыми в случае, если государственная политика по борьбе с преступностью будет проводиться более активно. Это, в свою очередь, заставило лидеров сделать два существенных долгосрочных изменения: ввести более эффективное распределение прав собственности на предприятиях, которые они контролировали, и изменить свой статус в глазах закона и общественного мнения. Криминальная репутация, которая играла важнейшую роль на начальных этапах становления частного предпринимательства, оказалась отрицательным активом в контексте новых задач. История каждой ОПГ имела, естественно, свою местную специфику. Однако можно выделить ряд общих этапов, через которые прошли ОПГ условно обозначенные в работе как экономически успешные: 1) формирование рэкетирской бригады; 2) наращивание силового ресурса и создание мощной силовой структуры; 3) война "на выбывание" и консолидация; 4) капитализация дохода от силового предпринимательства и заключение неформального пакта с местными властями; 5) создание бизнес-групп; 6) создание политической организации ("надстройки").

Те ОПГ, которые не смогли адаптироваться к легальной экономике, сохранили свой статус преступной группировки — и потеряли прежнее влияние, а те немногие, которые пошли по пути' переопределения прав собственности в пользу экономических субъектов, активно использовали возможности легальных форм собственности и заключили неформальный пакт с региональными властями, — по сути, перестали существовать как ОПГ. По мере того как лидеры экономически успешных ОПГ развивали отношения с законными властями и интегрировались в легальный бизнес, члены среднего и низшего звена группировок становились ненужными. Многие из них пополняли ряды обычной, неорганизованной преступности. Этот процесс обозначен в работе как «вертикальная дезинтеграция».

Десятая глава посвящена процессу приватизации государственных силовых ведомств - формированию легального частного сектора охранных услуг и его последствиям. В главе описываются реформы силовых министерств в 1991-1993 гг., следствием которых явился отток кадров в частный бизнес. Рыночный спрос, а также принятие соответствующего закона стимулировали рост частного охранного сектора. Описан генезис и рост частных охранных предприятий и частных служб безопасности, приведены количественные данные, характеризующие структурную динамику этого нового сектора услуг, описаны основные функции частных охранных предприятий.

Непреднамеренным последствием приватизации силовых ведомств стал рост конкуренции и ее косвенное воздействие на организованную преступность. Несмотря на то, что обеспечение охраны и соответствующие издержки до сих пор остаются для экономических субъектов обязательным условием их деятельности, характер связанных с этим отношений изменился. Принятия Закона способствовало формированию рынка частных охранных услуг, что можно рассматривать как прогрессивный шаг по сравнению с охраным рынком начала 1990-х гг. Под влиянием нескольких факторов, в том числе легализации охранной деятельности, господство нелегальных силовых структур над своими клиентами и жесткие ограничения выбора силовых партнеров начали ослабляться. Рост легальных охранных предприятий привел к расширению спектра услуг и возможностей выбора, наделив платежеспособных клиентов большей властью. Конечно, существующая конкуренция и ее правила далеки от совершенства, а присутствие в частном охранном секторе преступных элементов до сих пор ощутимо. Однако в результате степень предсказуемости действий участников рынка все же возросла. Более того, в отличие от преступных группировок, облагающих данью другие экономические субъекты и не платящих налоги по определению, ЧОП вынуждены действовать исходя из другого экономического принципа: производить и продавать конкретные услуги на контрактной основе и платить налоги государству.

Одиннадцатая глава включает в сферу исследования российское государство как монополию на насилие, налогообложение и юстицию и прослеживает процесс скрытой фрагментации российского государства.

Под скрытой фрагментацией государства в диссертации понимается утрата легитимным государственным аппаратом и его представителями монопольного контроля над применением силы, правосудием и сбором налогов, не сопровождающаяся территориальным дроблением или открытым вызовом со стороны конкурирующих частных или неформальных силовых структур. Показателем скрытой фрагментации государства, соответственно, является появление конкурирующих и неподконтрольных

государству источников насилия, посредников для разрешения имущественных и иных споров, а также инстанций налогообложения на территории, находящейся под формальной юрисдикцией данного государства. Деятельность этих конкурирующих организаций обозначается как силовое предпринимательство. Таким образом, появление и расширение возможностей для ведения силового предпринимательства является практическим выражением фрагментации или структурного кризиса государства.

В данной главе описывается тип охранного предприятия, известный как государственная «крыша», т.е. неформальная группа, занимающая государственные должности и использующая соответствующие возможности в целях ведения частной предпринимательской деятельности. В качестве особого случая рассматривается деятельность службы безопасности президента РФ в 1992-1996 гг.

Другим явлением, соответствовавшим скрытой фрагментации государства, стала конкуренция за налогоплательщика между различными формальными и неформальными инстанциями. Не делая какого-либо жесткого или окончательного выбора между теневым и легальным способами деятельности, экономические субъекты предпочитали гибко маневрировать между различными государственными и частными организациями, претендовавшими на долю от их дохода или прибыли. Сталкиваясь с невозможностью сбора налогов в полном объеме, государственная налоговая инспекция была вынуждена на практике согласовывать сборы с хозяйствующих субъектов с их действительной налоговой платежеспособностью, но в рамках неких конвенциональных представлений о том, сколько причастует платить. Наконец, практика решения транзакционных проблем также свидетельствует о том, что государство не имело приоритета в отправлении юстиции и решении хозяйственных споров и что уровень доверия и использования государственных органов был довольно низким, хотя и варьировался по различным сегментам.

В заключительной **двенадцатой главе** работы рассматривается происхождение и логика политики укрепления государства, первые симптомы которой возникли в 1998 г., и которая стала официальным политическим курсом после 2000 г. Набор способов восстановления государством монополии на легитимное насилие ограничен и может быть сведен к трем основным решениям. Конкурирующие силовые структуры и их сотрудники могут быть: 1) насильственно нейтрализованы путем уголовного преследования; 2) могут быть интегрированы в структуры государства или 3) превращены в обычных хозяйственных субъектов, лишенных каких-либо автономных от государства силовых ресурсов. Приводятся свидетельства тому, что к 2000 г. все три решения — нейтрализация, интеграция и "разоружение"—начали применяться.

Укрепление государства было, однако, **неотвратимым** и односторонним. Оно означало прежде всего усиление и активизацию **отдельных** его сегментов, деятельность которых в условиях отсутствия централизованного контроля **и исключительной дисциплины** стала новой формой силового предпринимательства. Это, в свою очередь, не могло не вызвать эффекта, обратного желаемому: производ от отдельных государственных организаций и их стремления к реализации частной выгоды означал ослабление государства как инстанции, реализующей общественные интересы или производящей общественные блага. Силовое предпринимательство приобрело форму участия **государственных правоохранительных Органов в перераспределении** экономических активов, в пользу отдельных **финансово-промышленных групп** или хозяйственных субъектов. В данной главе приведено описание явления, известного как «захваты» предприятий.

Таким образом, несмотря на многочисленные заявления и предпринятые меры, реализация в течение первого президентского срока Путина программы построения **сильного правового государства**, способного контролировать общие для всех «правила игры», удалась лишь частично. **При** номинальном усилении исполнительной власти и особенно ее силового блока, границы между политической и хозяйственной сферой, т.е. общегосударственными и частными интересами продолжают быть размытыми. Это выражается в продолжающейся практике использования государственных организаций для разрешения споров между хозяйствующими субъектами, прямом вымогательстве органами МВД денег у частных предпринимателей посредством открытия и **закрывать** уголовных дел, избирательном принуждении к исполнению законов. Сами законы работают настолько и так как и насколько это выгодно наиболее влиятельным группам - центральным и региональным властям, а также крупным финансово-промышленным группам.

В **заключении** реконструируется логика непреднамеренных последствий, во многом определившая ход социально-экономических преобразований. Создавая силовые структуры для вымогательства денег у новых частных предпринимателей, силовые предприниматели при этом были вынуждены выработать ряд правил и принципов, позволявших ограничивать и регулировать насилие. Не имея никаких иных намерений, кроме простого вымогательства, они попали в ситуацию, когда для того, чтобы выжить в жесткой конкурентной борьбе, им пришлось защищать и даже способствовать процветанию своих прежних жертв. Придумав целый ряд мошеннических приемов для присвоения значительных сумм наличных денег, они были вынуждены разработать также и систему гарантий, снижавшую риски и защищавшую транзакции клиентов от

недобросовестных партнеров. Первоначально выказывая полное презрение к закону, бухгалтерии и общественному мнению, они впоследствии стали нанимать адвокатов, бухгалтеров и специалистов по связям с общественностью, а позже и государственные милицейские подразделения для защиты своих активов.

Изначально рэкетирские бригады, охранные фирмы и другие неформальные силовые структуры создавались "под" новые коммерческие возможности, появившиеся в результате рыночных реформ. Каждая такая структура стремилась к установлению и поддержанию монопольного контроля либо в пределах некоторой территории (квартала, района, небольшого города и т. п.), либо в определенных сферах бизнеса (от производства алкоголя до торговли энергоресурсами). Возросший риск экономической деятельности вызывал встречное движение: большинство предприятий было вынуждено обзавестись силовыми партнерами. Одни хозяйствующие субъекты попадали под контроль ОПТ, другие покупали силовые ресурсы и связи частных охранных агентств, третьи "работали" с местными администрациями и, соответственно, пользовались услугами органов милиции. В результате образовывались своего рода кластеры, состоявшие из некоторой совокупности хозяйствующих субъектов или "территорий", связанных с теми или иными силовыми ("политическими") структурами. Для того чтобы между этими кластерами происходил стабильный экономический обмен, требовалось создание общего для всех, более или менее безопасного и предсказуемого пространства. На протяжении 1990-х гг. все эти разнородные силовые структуры, или "крыши", от чисто уголовных до тех, которые формально считались государственными, активно взаимодействовали друг с другом для реализации своих экономических проектов и разрешения возникавших проблем или конфликтов. При этом они выработывали некоторые общие правила, язык, а также стандартные методы решения проблем, которые в совокупности составили первоначальную неформальную институциональную среду формирующихся рынков. Но уровень стандартизации правил оставался невысоким, а контроль за их соблюдением требовал значительных издержек. Вместе с тем, к концу 1990-х гг., произошло усиление так называемых "государственных крыш", консолидировавшихся вокруг региональных властей, в результате чего образовались экономически более эффективные зоны. Дальнейшее экономическое развитие было бы невозможно без стандартизации правил и их применения, т. е. без обеспечения господства формального хозяйственного права над разного рода обычаями и "понятиями", а также без упорядочения отношений между различными властными инстанциями. Прибегая к исторической аналогии, можно сказать, что формирование национального рынка сдерживалось системой "феодалных" перегородок. Соответственно, смысл новой, а по сути, извечной политики централизации

государства состоял в том, чтобы решить две задачи: упорядочить отношения между центром и региональными властями и создать единое правовое пространство. Множество локальных монополий силы или "островков власти" подлежат теперь объединению в одну большую монополию, называемую государством. Но это уже стало задачей не бандитов, а силовых предпринимателей, называющих себя "государственниками", отличие и преимущество которых состоит в легитимности, которую они приобретают по мере решения этой задачи.

В период укрепления государства, начавшийся после 1999 г. Лиловое предпринимательство не исчезло, а поменяло сферы и действующих лиц. Место бандитов заняли государственные служащие, но их способ поведения мало чем отличается от силовых предпринимателей 1990х. Это происходит потому, что они действуют в рамках аналогичной институциональной среды, которая производит такие же поведенческие стимулы. Обладатели силовых ресурсов по-прежнему являются автономными от государственного контроля или безличных процедур, а поэтому реализуют преимущественно собственный экономический интерес. Доступность для коммерческого использования таких инструментов, как государственные силовые организации, во многом определяет специфику корпоративных конфликтов и отношений собственности, поддерживая спрос на услуги силовых предпринимателей в этой сфере: обладание таким ресурсом дает важные конкурентные преимущества. Силовое предпринимательство во многом определяет специфику толкования и применения многих законов и все более явно демонстрирует свою несовместимость с правовым государством на практике.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Всего автором опубликовано более 40 научных трудов на 5 языках.

Ниже приводятся основные публикации по теме диссертации:

Монографии-

1. Силовое предпринимательство. М.: Летний сад, 2002. -18 п.л.
2. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: ГУ-ВШЭ, 2004.-22.П.Л.
3. Violent Entrepreneurs: The Use of Force in The Making of Russian Capitalism. Ithaca: Cornell University Press, 2002. - 18 п.л.

Публикации в изданиях, входящих в список ВАКа:

4. Силовое предпринимательство в современной России // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 56-65.-0.9 п.л.
5. Нормы и ценности нелегальных силовых структур // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. том. 2. № 3. С. 78-86. - 0.8 п.л.
6. Политэкономика насилия, экономический рост, консолидация государств // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 44-59. -1 п.л.
7. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства (исследовательская гипотеза) // Полис. 1998. № 5. С. 39-47. - 0.7 п.л.
8. О концепции практик в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9-23. -0,8 п.л.

Другие публикации:

9. Организованное насилие, экономический рост, консолидация государства / Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год, // под ред. Т.И. Заславской. М.: Логос, 1999, С. 225-230. - 0.6 п.л.
10. Причины и логика корпоративных конфликтов // Топ-менеджер, июль-август 2003. С. 24-28. - 0.5 п.л.
11. Ни слова о прошлом // Эксперт. 2002. № 15.15 апреля. С. 104-107. - 0.4 п.л.
12. Violent Entrepreneurship in Post-Communist Russia// Europe-Asia Studies. July 1999. Vol. 51. № 5. P. 741-754. -1.1 п.л.
13. Organized Violence, Market Building, and State Formation in Post-Communist Russia // Economic Crime in Russia. // ed. A. Ledeneva and M. Kurkchian. London: Kluwer, 2000, P.43-61.-1.2п.л.

14. Between Society and the State: Private Security and Rule-Enforcement in Russia // *Politics and Society*. 2000. December. Vol. 28 No 4. P. 483-501. - 1.2 п.л.
15. The Political Economy of Protection Rackets in the Past and the Present // *Social Research*. 2000. Vol. 67. № 3. P. 709-744. - 1.3 п.л.
16. Security and-Enforcement as Private Business: The Conversion of Russia's Power Ministries and Its Institutional Consequences // *The New Entrepreneurs of Europe and Asia*. / Ed. V. Bonnell and T. Gold. New York: M.E. Sharpe. 2002. P. 83-103. - 1.2 *ал.*
17. Who'Is Strong When the State Is Weak: Violent Entrepreneurship in Russia's Emerging Markets. // *Beyond The State Crisis: Postcolonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective*. / M. Beissmger and C Young, Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2002. P. 81-104. - 1.1 п.л.
18. The Selective Use of State Capacity in Russia's Economy: Property Disputes and Enterprise Takeovers, 1998-2002. // *Creating Social Trust: Problems of Post-Socialist Transition*. / Ed. Janos Kornai, Bo Rothstein, and Susan Rose-Ackerman. New York: Palgrave, 2004. P.126-147. - 1.3 п.л.
19. Gewaltunteruehmer im postkommunistischen Russland // *Leviathan*. 2000. 28. Jahrgang. Heft 2, P. 173-191.-1.1 п.л.
20. Les entreprises de violence dans la Russie postcommuniste // *Pohtix*. 2000. Vol. 13. № 49. P.57-75.-1.1П.Л.
21. hnprenditori della violenza e formazione dello Stato nella Russia di oggi // *Ventunesimo Secolo*. 2002. Ottobre. P. 85-116. - 1.4 п.л.

Подписано в печать 25.02.2005.
Заказ № 63, тираж 130 экз.; объем 1,9 п.л.
Отпечатано в типографии ГУ-ВШЭ
125318, Москва, Кочновский проезд, д 3.

22 MAR 1969

1969